

**Я фотографировал
туман в Подмоскowie, а
на снимках оказались
дети, которых там не
было**

Вадим Исмагилов

Вадим Исмагилов

**Я фотографировал туман
в Подмосковье, а на
снимках оказались дети,
которых там не было**

«Автор»

2025

Исмагилов В.

Я фотографировал туман в Подмоскowie, а на снимках оказались дети, которых там не было / В. Исмагилов — «Автор», 2025

В подмосковном поселке Туманный существует негласное правило: когда приходит туман, дети должны оставаться дома. Сергей, учитель истории, бежавший из Москвы после гибели сына, считает это лишь деревенским суеверием. Пока не замечает на своих фотографиях странные детские силуэты, которых не было в объективе. За каждым туманным днем — новые встречи с призрачными детьми, стучащими в окна. Они зовут учителя по имени, рассказывают о его погибшем сыне и просят о помощи. Сергею предстоит раскрыть жуткую тайну, связанную с трагедией военного времени. В тумане хранится память о детях, погибших при эвакуации в 1941 году. Их души застряли между мирами, в бесконечной петле времени, повторяя снова и снова свой последний день. Сможет ли Сергей помочь им найти путь домой, не потеряв при этом себя? И что выберет сам герой — уйти вслед за призраками, обещающими встречу с сыном, или найти силы жить дальше?

Вадим Исмагилов

Я фотографировал туман в Подмосковье, а на снимках оказались дети, которых там не было

Глава 1. Гости из тумана

Фотоаппарат щелкнул, запечатлев очередной кадр молочно-белой пелены, окутавшей яблоневый сад за старой школой. Я просмотрел получившийся снимок на дисплее и нахмурился. На фоне серебристой дымки между деревьями проступал силуэт, которого я определенно не видел, когда делал кадр.

Стоя на холодной ноябрьской земле, я почувствовал, как по шее пробежал холодок – и вовсе не от пронизывающей сырости. На фотографии отчетливо виднелась фигура ребенка – девочки лет десяти в странном старомодном платье с белым воротничком.

– Откуда ты здесь взялась, малышка? – пробормотал я, увеличивая изображение.

Лицо девочки было неестественно четким, несмотря на туман. Она смотрела прямо в объектив с выражением, которое я не мог точно определить. Не улыбка, не испуг – скорее сосредоточенное ожидание, словно она позировала для портрета.

– Эй! – крикнул я в молочную пелену. – Есть тут кто?

Тишина. Только капли конденсата стекали с голых веток на землю.

Я сделал несколько шагов вперед, в то место, где должна была стоять девочка. Никого. Туман словно расступался передо мной, а потом смыкался за спиной. В такой погоде звуки обманчивы, расстояния искажаются, но все же не настолько, чтобы потерять ребенка в десяти метрах от себя.

Сделав ещё несколько снимков, я решил вернуться в школу. Первая неделя на новом месте выдалась странной. Переезд из Москвы в подмосковный поселок Туманный (название которого я сначала принял за ироничное совпадение) должен был стать новым началом. История – вот что никогда не предаст, в отличие от людей. Преподавать ее детям в тихой сельской школе казалось идеальным способом зализать раны после аварии, унесшей жизнь моего пятилетнего сына Миши.

Я оглянулся на школьное здание – двухэтажное, кирпичное, построенное ещё в пятидесятых. Первый этаж окрашен в голубой, второй – в желтый. Краска облупилась, обнажая прежние слои – охру, зеленый, снова голубой. Сколько поколений детских голосов эти стены слышали?

В учительской было пусто и тепло. Местные педагоги не спешили задерживаться по пятницам. Директриса Вера Павловна, сухощавая женщина с пучком седых волос, встретила меня в коридоре.

– Сергей Андреевич, вы что, гуляли в туман? – в ее голосе звучало неподдельное беспокойство.

– Фотографировал для своего блога, – пояснил я, стараясь не выдать, насколько меня озадачил странный снимок. – А что не так с туманом?

Вера Павловна поджала губы, словно сдерживая то, что хотела сказать.

– Местные предпочитают в такую погоду детей домой забирать пораньше. Традиция, – она произнесла последнее слово с особым нажимом, давая понять, что разговор окончен. – Берегите себя, Сергей Андреевич. Первый месяц всегда самый сложный.

Мой съемный дом находился в десяти минутах ходьбы от школы. Небольшой, но уютный одноэтажный сруб с печным отоплением и удобствами на улице – настоящая деревенская экзотика для бывшего москвича. Я снимал его у бабы Клавы, древней старушки, живущей по

соседству. Хозяйка дома регулярно приносила мне пироги и расспрашивала о личной жизни с прямолинейностью человека, который уже ничего не боится в этом мире.

Туман сгустился настолько, что я едва различал дорогу. Фонари на столбах превратились в размытые оранжевые шары, парящие в белесой мгле. Звуки стали глухими, расстояния – обманчивыми. Мне вдруг почудились детские голоса – где-то совсем рядом, будто за спиной.

Я резко обернулся. Никого.

Но голоса не исчезли. Они звучали приглушенно, словно из-под воды:

– Он нас видит... Смотрите, он нас видит! – Тише ты! Спугнешь... – Учитель, учитель...

Последнее слово повторялось несколько раз, превратившись в жуткое эхо: "учитель-читель-читель..."

В горле пересохло. Я ускорил шаг, стараясь убедить себя, что усталость и стресс играют со мной злую шутку. Наконец показался мой дом – темное пятно в молочной пелене. Я почти бегом преодолел последние метры, запнувшись о ступеньку крыльца.

Оказавшись внутри, я торопливо запер дверь на два оборота и прислонился к ней спиной, тяжело дыша. Глупо. Я веду себя как ребенок, испугавшийся собственных фантазий.

Вечер я провел за разбором фотографий. Открыв снимки на ноутбуке, я вздрогнул – девочка в старомодном платье была не на одном, а на пяти кадрах. На каждом следующем она находилась немного ближе к объективу. На последнем можно было разглядеть ее глаза – удивительно светлые, почти прозрачные.

А затем я заметил детали, от которых мурашки побежали по коже. На одном из снимков за девочкой виднелись другие фигуры – размытые, но определенно детские силуэты. Четыре... нет, пять фигур между деревьями. И что-то с ними было не так. Присмотревшись, я понял – они будто парили над землей, не касаясь ее ногами.

Я закрыл ноутбук и потер глаза. Усталость и игра света в тумане – вот и все объяснение. Чертова депрессия, чертовы таблетки! Год психотерапии после аварии не избавил меня от панических атак и ночных кошмаров, в которых я снова и снова пытался вытащить Мишу из искореженной машины.

Сон не шел. За окном клубился туман, плотный, почти осязаемый. Несколько раз мне казалось, что в белесой мгле мелькают тени. В какой-то момент я задремал, но проснулся от ощущения, что кто-то смотрит на меня. Открыв глаза, я увидел на запотевшем окне отпечаток маленькой ладони. Изнутри.

Утром туман рассеялся, а с ним – и ночные страхи. Следа на окне не было. Измученный бессонницей, я отправился в местный магазин за продуктами. Продавщица, полная женщина средних лет с крашенными в ярко-рыжий волосами, оживилась, увидев меня.

– А, новый учитель! Как вам у нас? Обживаетесь?

– Потихоньку, – я выложил на прилавок хлеб, молоко и консервы. – Скажите, а что за странные байки про туман ходят? Вчера директриса что-то говорила про традиции...

Женщина мгновенно помрачнела.

– Сергей Андреич, верно? Вы бы поспрашивали старожилов. Баба Клава вам соседка? Вот ее и спросите.

– Да что такого в тумане? – не отставал я.

– Ничего такого, – отрезала продавщица. – Просто детям в нем гулять не положено. С вами, взрослыми, ничего не случится.

Последнюю фразу она произнесла с такой интонацией, что у меня по спине пробежал холодок.

Возвращаясь домой, я решил заглянуть к бабе Клаве. Старушка встретила меня на пороге, словно ждала, и без лишних церемоний усадила за стол. На плите шипел чайник со свистком, в доме пахло сушеными травами и старостью.

– Что, учитель, страшилки наши услышал? – она хитро прищурилась, разливая чай по треснувшим чашкам.

– Если честно, толком ничего не услышал, – я взял предложенное печенье. – Все будто воды в рот набрали, когда речь заходит о тумане. А он тут часто бывает?

– Чаще, чем хотелось бы, – баба Клава вздохнула. – Особенно осенью и весной. Болот вокруг много, вот и затягивает все белым саваном, – она перекрестилась, произнесла последнее слово.

– А почему детей не пускают гулять в туман?

Старушка долго смотрела на меня, словно решая, стоит ли говорить. Наконец она произнесла:

– В войну, когда немец наступал, у нас тут детей эвакуировать не успели. Автобус с ребятами из детского дома попал под бомбежку, прямо на окраине поселка. Никто не выжил... С тех пор говорят, что в туманные дни они возвращаются. Ищут дорогу домой.

– Призраки детей? – я не смог сдержать скептическую улыбку.

– Называй как хочешь, – баба Клава не обиделась. – Только факт остается фактом: за последние семьдесят лет в туманные дни у нас пропало семеро детей. Уходили из дома и не возвращались. Искали их, конечно, но... – она развела руками. – Болота у нас коварные.

– А взрослые? С ними что-нибудь случилось?

– Нет, – старушка покачала головой. – Взрослых они не трогают. Говорят только, что если увидишь детей тумана – жди беды.

Она внимательно посмотрела на меня.

– А ты видел, да? Потому и спрашиваешь.

Я не стал отпираться и рассказал про странные фотографии. Баба Клава слушала, не перебивая, только качала головой.

– Покажи, – потребовала она, когда я закончил.

Я сходил домой за ноутбуком. Старушка надела очки в толстой оправе и долго вглядывалась в экран, где я открыл снимки.

– Это Аня Воробьева, – наконец произнесла она, указывая на девочку в белом воротничке. – Она старшей была в той группе. Их всех похоронили на старом кладбище, за церковью. Памятник общий стоит – гранитный обелиск с именами. Можешь сходить, посмотреть.

– Откуда вы знаете, как ее звали? – я почувствовал, как по спине пробежал холодок.

– Я-то? – баба Клава криво усмехнулась. – Я здесь всю жизнь прожила, с сорок второго года. Мне тогда шесть было. Меня мамка в погреб спрятала, когда бомбежка началась. Я и не видела, что с автобусом случилось, только потом уже... – она замолчала, погрузившись в воспоминания.

Повисла тяжелая пауза. Я не знал, что сказать. Баба Клава вдруг подняла на меня глаза:

– А ты чего сюда приехал, учитель? Убегаешь от чего-то?

– Почему вы так решили?

– Молодой, москвич, а в нашу глушь забрался. От хорошей жизни в столице не уезжают.

Я не стал вдаваться в подробности аварии и смерти сына. Просто сказал, что хотел сменить обстановку после тяжелого года.

– Понятно, – протянула старушка. – Только знай, учитель, от себя не убежишь. И горе свое тоже с собой притащил, оно в глазах у тебя плещется.

Когда я уходил, баба Клава окликнула меня с порога:

– Сергей! Будь осторожен. Они чувствуют горе и боль. Тянутся к таким, как ты. Хотят помочь по-своему, да только их помощь... – она не закончила фразу, просто перекрестила меня издалека.

Вернувшись домой, я долго думал над ее словами. Рациональная часть меня отказывалась верить в призраков и проклятия. Должно быть какое-то разумное объяснение и странным фотографиям, и голосам в тумане.

Я решил проверить информацию о детском доме и бомбежке. Интернет в поселке работал с перебоями, но мне удалось найти несколько упоминаний о трагедии в архивных документах. Действительно, 17 ноября 1941 года при эвакуации детского дома погибли двадцать три ребенка и двое воспитателей. Автобус был обстрелян немецким самолетом на дороге рядом с поселком.

Следующие несколько дней прошли спокойно. Туман не появлялся, и я почти убедил себя, что все произошедшее – игра воображения и случайные совпадения. В школе шли обычные уроки, я знакомился с учениками и коллегами. Дети в поселке оказались любознательными, особенно когда речь заходила о войне и местной истории.

В среду я решил провести для шестиклассников необычный урок – предложил нарисовать карту поселка времен войны, отметив на ней исторически значимые места. Одна из учениц, тихая девочка по имени Ксюша, подняла руку:

– А можно нарисовать то место, где автобус с детьми разбился?

В классе повисла тишина. Я заметил, как несколько учеников обменялись встревоженными взглядами.

– Конечно, – ответил я, – это важная часть истории поселка. А ты знаешь, где это произошло?

– Бабушка показывала, – кивнула Ксюша. – Там сейчас густой лес, но тропинка есть. Иногда там венки оставляют на День Победы.

После уроков ко мне подошла школьная уборщица, Галина Петровна, пожилая женщина с добрым морщинистым лицом.

– Зря вы про автобус детям задали, – сказала она без предисловий. – У нас не принято об этом говорить в школе.

– Почему? – искренне удивился я. – Это же часть истории.

– История историей, а примета плохая. Теперь туман придет, – она вздохнула. – Всегда так бывает, когда про них вспоминают.

Я хотел расспросить ее подробнее, но Галина Петровна заторопилась по своим делам, только напоследок бросила:

– Окна на ночь закрывайте плотнее, Сергей Андреевич. И двери проверяйте.

Ее предсказание сбылось – к вечеру погода испортилась, поднялся ветер, а после заката поселок снова окутал густой туман. Я сидел дома, проверяя тетради, когда услышал стук в окно. Тихий, почти неразличимый – словно кто-то прикоснулся к стеклу кончиками пальцев.

Я отодвинул занавеску. За окном клубилась белая мгла, но никого не было видно. Я уже хотел вернуться к работе, когда стук повторился – на этот раз в другое окно, выходящее на задний двор.

Сердце забило чаще. Я прошел через комнату, вглядываясь в запотевшее стекло. В этот момент на поверхности окна изнутри начали проступать буквы, словно кто-то писал пальцем по конденсату. Я застыл, не веря своим глазам.

"ПОМОГИ НАМ"

Буквы появлялись одна за другой, хотя в комнате никого, кроме меня, не было. Затем ниже проступила еще одна надпись:

"МЫ ЗНАЕМ ПРО МИШУ"

От ужаса у меня перехватило дыхание. Никто в поселке не знал имени моего сына – я не рассказывал о своей трагедии. Как... как такое возможно?

Я бросился к выключателю и зажег свет. Надписи исчезли, словно их и не было. Но стук повторился – теперь уже в дверь, негромкий, настойчивый.

Преодолевая страх, я подошел к двери.

– Кто там? – мой голос прозвучал хрипло.

Тишина. Затем детский голос, удивительно четкий, произнес:

– Откройте, пожалуйста. Мы заблудились в тумане.

Что-то в этом голосе было неправильным – он звучал слишком старомодно, с особыми интонациями, как в фильмах сороковых годов.

– Кто вы? – спросил я, не решаясь открыть.

– Дети, – ответил голос. – Нам холодно. Мы хотим домой.

Я прижался лбом к двери, лихорадочно соображая. Если это розыгрыш местных, то жестокий до невозможности. Если нет... Что, если за дверью действительно заблудившиеся дети?

– Сколько вас? – спросил я.

– Много, – последовал ответ после паузы. – Все мы. Все, кто в автобусе был.

По моей спине пробежал ледяной ужас. Я попятился от двери.

– Уходите, – прошептал я. – Пожалуйста, уходите.

– Мы не можем, – голос стал печальным. – Нам некуда идти. Мы хотим домой, но не помним дороги. Ты учитель, ты должен помочь. Ты сам заблудился, как и мы.

Стук стал громче, к первому голосу присоединились другие – детские голоса разного возраста, мальчики и девочки. Они звали меня по имени, просили открыть, говорили, что Миша ждет меня.

Не помню, как я пережил эту ночь. Кажется, в какой-то момент я просто отключился, сидя на полу в углу комнаты, обхватив колени руками. Проснулся я на рассвете от пения птиц. Туман рассеялся, и ничто не напоминало о ночном кошмаре.

Я бы решил, что все это мне приснилось, если бы не одна деталь – на пороге дома лежала детская варежка. Старая, вязаная, с выцветшим узором. Такие не носили уже много десятилетий.

Глава 2. Голоса из прошлого

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.